



*Март 2010*

### **Заключение.**

Стремление к всеобщему равенству ничем ни лучше стремления к построению вечного двигателя. Но если физики давно поняли бесплодность конструирования вечных двигателей, то социальные преобразователи и во время Великой французской революции, и во время Великой русской революции, и сейчас ставят на кон жизни и благополучие миллионов людей, чтобы ещё раз убедиться в невозможности равноправия.

Трудно придумать идею более вздорную и одновременно более популярную, чем идея равноправия. Эта идея породила Великую французскую революцию. Её подхватили организаторы ещё одной Великой – русской революции. Великую социалистическую революцию получили китайцы и другие не столь многочисленные народы.

Если против социализма и коммунизма выступают многие, то равноправие чуть ли не общепринятая во всём мире идея. Равноправие – основа Всеобщей декларации прав человека и современных конституций, в том числе Конституции России.

Требование невозможного – равноправия – ещё раз демонстрирует слабость социальных наук перед науками естественными. Если естественные науки развиваются, то социальные деградируют, создавая и расхваливая нежизнеспособные проекты. Социальные науки абсолютно беспомощны в распознавании и критике оксюморонов, одним из которых является равноправие.

Увеличивающийся разрыв между техническим и социальным знанием чреват новыми тираниями типа деспотий Древнего Востока, возникших 5000 лет назад, или социалистических деспотий XX века – коммунистического или национал-социалистического толка. Давно назрел осмысленный разговор о правах вместо безответственного гуманитарного трéпа *о равенстве прав и свобод человека и гражданина*.

**Томилов В.Г.**

### **ТОТАЛИТАРНОЕ СОЗНАНИЕ КАК ОТРИЦАТЕЛЬ ИЛИ О НЕКОТОРЫХ ОЦЕНКАХ МОЕЙ КНИГИ «КОММУНИЗМ КАК ИСКУШЕНИЕ ВЛАСТЬЮ»**

Неплохое описание тоталитарного сознания я обнаружил у Ницше: оно желает быть и чувствовать себя господином в себе и вокруг себя, стремится вводить новые предметы в старые ряды, т. е. старается уподобить новое старому, упростить многообразное, проигнорировать или оттолкнуть всё противоречащее; поэтому оно отличается прорывающейся решимостью к незнанию, к закрытию своего окна, к внутреннему отрицанию той или иной вещи а также противодействием приближению, оборонительным положением по отношению ко многому доступному знанию, удовлетворением тьмой, закрытым горизонтом, утверждением и

одобрением незнания. Фрейд дополнил эту характеристику открытием двух «защитных механизмов»: 1) *вытеснения*: если факт противоречит, то тем хуже для факта, который вытесняется из сознания, «забывается» и представляется несуществующим; молчание в таком случае оказывается знаком не согласия, а вытеснения и отрицания; 2) механизм *проекции* или фальсификации факта, когда факт не вытесняется совсем, а представляется в ложном свете проекции и приписывания ему чуждых свойств.

Тоталитарное сознание, однако, не любит открывать свои карты. Тот же Ницше писал, что оно сильно «искусством Протея» и прибегает к маскировке. И оно отреагировало на разоблачение тем, что применило против разоблачителей описанные ими приёмы, т. е. обоих объявило сумасшедшими: Ницше получил ярлыки – «голова сатанинского дракона социального дарвинизма», «идеолог фашизма» и т. п.; Фрейд был представлен чем-то в роде сексуального маньяка Чекатило. А поскольку я опирался на их работы и продолжил разоблачение, то не избежал подобной реакции тоталитарного сознания и мой «Коммунизм».

Первая такая оценка появилась в 1965 г., т. е. когда книга существовала еще в виде первых набросков и конспектов в моем «Читательском дневнике» [1] На нашем курсе учился неплохой художник Миша Сундушников и в том году он поздравил меня с днем рождения тем, что нарисовал книгу с моей фамилией на большом листе ватмана и повесил картину в нашей комнате на стену. Правда, название у неё на картине было несколько другое – то ли «Критика Маркса», то ли «Критика марксизма». И повисела она недолго. Кто-то сообщил в университетский партком, явилась комиссия и стала допрашивать Мишу, кто такой Томилов... Я стоял рядом, но Миша молчал, как стойкий партизан. Картину потребовали снять и унесли с собой. Так что это первое «издание» мало кто и видел.

Следующим стала моя первая статья «Метод Гельвеция», писавшаяся во время этих событий. Е. И. Водзинский, начав в сентябре 1965 г. читать историю философии Нового времени, сразу предложил выбрать каждому тему реферата. Я выбрал сочинение Гельвеция «О человеке» и написал критическую статью, в которой (ссылаясь на Радищева, Станкевича, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Гегеля и Маркса) доказывал, что у Гельвеция есть «отклонение метода от объективной природы исследуемого предмета» и что эта «неадекватность» привела его к «совершенно неправильному толкованию механизма человеческого развития».

Возвращая проверенные рефераты, Е. И. особо выделил два: В. Лейбина, предметом которого была монография Х. Н. Момджяна «Философия Гельвеция», изданная под грифом Института философии АН СССР в 1955 г. и считавшаяся тогда по этому предмету наиболее авторитетной; и мой. Первый – как образец того, как надо писать рефераты

по истории философии; второй – как не надо их писать. Не надо так писать, сказал Евгений Иванович, так как, вместо реферата, получилась немарксистская статья... Тогда, помнится, я пытался что-то возразить, но, недавно прочитав книгу Момджяна, убедился, что наш учитель был прав: отчасти Гельвеций был «марксистом до Маркса», а я, не знавший марксовских оценок Гельвеция, критиковал его в статье за «марксизм», за то, за что Маркс его хвалил и считал своим предшественником. Я тогда еще не знал, что у студента *идеологического* факультета «нормы-цели» не должны противоречить «нормам-рамкам», т. е. границам «нечистого разума», который «человека сам представит себе, да с таким и живёт» (Достоевский), и учебникам, в которых эти границы были проведены. Основными историко-философскими учебниками были «История философии» Института философии АН СССР и «Краткий очерк истории философии», написанные под диктовку «партии-суфлёра» («У него если сказано про человека: подлец, так уж, кроме подлеца, он про того ничего и не ведаёт; а если сказано – дурак, так уж, кроме дурака, у него тому человеку и звания нет») и допускавшие новаторство лишь по части аргументов. В части же тезисов действовало правило: «Шаг влево, шаг вправо – и буду стрелять». Отсюда и «немарксистская статья»... Реферат мне всё же был зачтен, но на экзамене по истории философии Нового времени Е. И. поставил мне первое «хор». До этой зимней сессии я был круглым отличником, хотя и занимался по принципу «история философии и все остальные», т. е. уделял истории философии примерно столько же внимания, сколько всем остальным дисциплинам вместе взятым.

Следующим «изданием» стало мое участие в 1966-67 годах в описанном в 10-й главе «антипартийном студенческом бунте»: «Что же значит слово «коммунист»? Может – псих и проходимец – Ленин? Дзержинский – костолом, авантюрист?»... Наше выступление тоже было не очень успешным.

Не могу не упомянуть в данной связи и о своей курсовой работе 1967 г. об одном из персонажей «Коммунизма», немецком философе Фихте, которого Энгельс упомянул в предисловии к 1-му немецкому изданию «Развития социализма от утопии к науке» в числе предшественников Гегеля и Маркса. В курсовой я применил метод Платона и дал слово Фихте для изложения коммунистического проекта, и написал к нему примечания. Так об отношении между Фихте и Марксом в одном из примечаний говорилось: «Творческая деятельность материи принимает у Фихте мистическую форму моральной деятельности, для обозначения которой он использовал такие понятия как «Я», «разум», «властный мировой дух» и т. п.» [2]. Не был обойден в курсовой и вопрос об осуществлении проекта: «...Мелкие общественные группы ... радуются невежеству, глупости, пороку и нищете, в которые погружено большинство их собратий, открыто стремятся удержать их в этом состоянии и еще глубже погрузить в него,

чтобы они вечно были рабами... Всякий, считающий себя господином других, сам – раб. Если он не всегда является таковым, то у него всё же рабская душа, и перед первым более сильным, который его поработит, он будет гнусно ползать...[3] Большинство употребляет все свои силы на создание устойчивого имущественного состояния, другие не трудятся сами, не руководят трудом первых и вообще не принимают в нем участия, а только приходят и захватывают себе из произведенных благ столько, сколько захочется и удобно будет взять, руководствуясь при этом только собственным произволом, да разве еще соображаясь с тем, чтобы не доводить трудящееся общество до совершенной гибели и истощения...[4] Государство в такую эпоху находится на службе у собственников... Собственники фактически не являются и членами государства, они предшествуют ему и содержат его, как господин содержит своего слугу... Остальные обязаны отдавать государству все свои силы. В таком строе индивидуальность всех совершенно растворяется... Внутреннее бесправие и неравенство принуждают к подчинению других народов... Война не ограничивается временем военных действий, общая необеспеченность всех против всех и проистекающая отсюда постоянная готовность к войне также являются войною... Только там возможна и понятна война с целью грабежа, где выгоды войны достаются на долю угнетателей, - лишения же войны: труд, издержки падают на бесчисленные стада рабов» [5].

Эти мысли вызвали у моего научного руководителя З. Н. Мелешенко немало вопросов. Сохранился её письменный отзыв: «Товарищ Томилов! Читала я Вашу работу и не могла отделаться от чувства досады: сколько Вами прочитано – да еще в подлинниках, какая проделана работа по изучению очень многих трудных произведений Фихте – а ведь Ваша работа не удалась. Почему? Нельзя было загромождать работу десятками страниц цитат из исследуемых источников... Вы поплыли по течению фактов и чужих высказываний, не попытались их сопоставить, выделить главное, а потом дать нашу марксистскую оценку. Вы переоценили свои силы, не консультировались и впали в объективизм. Ваши выводы о всех сторонах мировоззрения Фихте либо сводятся к цитатам, либо страдают односторонностью. Поэтому для читателя осталось неясным, к какому направлению внутри идеализма принадлежит Фихте. Вы его противопоставили Беркли... А В. И Ленин да и Маркс – да и все (не только марксистские, а даже многие буржуазные исследователи) не сомневаются, что он вместе с Беркли субъективный идеалист. Вам не может быть неизвестно мнение Ленина. Но ведь оно у Ленина блестяще доказано. Вы не согласны – значит надо попытаться столь же убедительно доказать своё... Общая оценка - *удожетворительно*» [6].

И она была по-своему права. Платон в качестве историка философии тогда у нас не считался авторитетом, его даже обвиняли в приписывании Сократу своего учения о Государстве. «Мнение Ленина» мне было,

конечно, известно. Его «Материализм и эмпириокритицизм», начиная с 1-го курса, я читал и перечитывал. Но, если Фихте есть «прикрытая, принаряженная чертовщина», то что же сказать о Марксе, который как раз и принарядил [7] фихтевского «властного мирового духа» в «серый плащ материализма» (А. Луначарский)? Еще более прикрытая и принаряженная чертовщина? Доказать, что Маркс назвал фихте-гегелевского «духа трагической судьбы» «материей» и «капиталом», чтобы скрыть плагиат и представить себя тем, чем он не был, доказать столь же убедительно, как это сделал Ленин с утверждением, что Фихте был такой же «субъективный идеалист», как и Беркли, - я не мог из-за разницы наших с Лениным «весовых категорий». Словом, пришлось выбрать тему дипломной работы несколько иную, а именно «Проблему свободы в философии Гегеля».

В ней, конечно, я тогда не мог написать о Гегеле так, как в статье «К вопросу о гегелевском проекте тоталитарного государства» (1998) и в 1-й главе «Коммунизма», т. е. прямо как о соавторе коммунистического проекта, не мог процитировать и Троцкого, что они «через Маркса опирались на Гегеля». Напротив, в силу вышеназванных причин и недостаточного знания пришлось дать слово неупомянутому соавтору – внутреннему и внешнему цензору и написать, что Кант совершил «коперниковский переворот», что гегелевская «Феноменология» свидетельствовала о «разрыве с Кантом и Фихте», что отрицатели марксистской «революции в философии» - «фальсификаторы» и т. п.

Однако удержаться от нарушения «норм-рамок» не удалось и здесь. В качестве главных источников были использованы: гётевский «Фауст», о котором авторы учебников глухо молчали, хотя открытие, что историческими прототипами этого Фауста были Кант, Фихте, Шеллинг и Гегель, было сделано еще Белинским; «Система нравов» и «Основные черты современной эпохи» Фихте и гегелевская «Феноменология духа». Для сравнения: в «Истории философии» (т. 2. М., 1957) на 43 страницах раздела о Гегеле есть 48 цитат и ссылок на Маркса, Энгельса и Ленина и лишь 1 на гегелевскую «Феноменологию», ставшую «истокком и тайной» коммунизма. Так что мнение Ленина, что Фихте в отличие от Гегеля выводил природу и общество из человеческого сознания, было опять мною проигнорировано, а ленинский «Материализм и эмпириокритицизм» не попал даже в список основной литературы. Напротив, акцент был сделан на преемственности (что отразило и название самого большого параграфа «Проблема свободы в немецкой классической философии»), на том, что Кант тоже имел предшественников в лице Декарта, Гольбаха и Руссо, что Гегель писал не столько о прошлом, сколько о будущем, что Маркс и Энгельс были его учениками... Хотя название дипломной тоже не очень укладывалось в установленные КПСС «нормы-рамки», она была зачтена. Но автору после её защиты пришлось отправиться в «сибирскую ссылку».

Моя попытка протащить трактат о Фихте через цензуру обернулась немалыми потерями. Статья, опубликованная в «Философских науках» (1972 г. № 2), была по сравнению с трактатом явным шагом назад. В ней акцент был сделан на преемственности между Фихте и Гегелем по линии онтологии и этики [8], а от его коммунистического проекта (как и от использования его текстов в качестве эзоповского языка) остались рожки да ножки. Пришлось ограничиться напоминанием слов Энгельса о том, что марксизм ведет свою родословную «не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и от Канта, Фихте и Гегеля» [9], и постановкой вопроса о невыполнении революционерами своих обещаний и распространении настроений «горького разочарования».

«Изданием» книги о коммунизме была и моя кандидатская, которую правильнее было бы назвать «Кризис коммунизма». Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить её с 1-й и 10-й главами книги, где словосочетание «кризис коммунизма» дважды присутствует в названиях параграфов. В авторефератном списке работ, опубликованных по теме диссертации, есть и упомянутая статья о Фихте, в которой этот вопрос был поставлен.

Разврат и пьянство, преступность бурная

Превзошли уж маразм всех эр.

В кризисе Запад. Там жизнь сумбурная...

Кризис духовный и в Сесеэр.

Этих слов Н. Ляпина, конечно, я не мог тогда процитировать. Пришлось их заменить цитатой из гётевского «Фауста»: «Не стало ничего святого, все разбрелись и тянут врозь; расшатываются основы, которыми всё создано». Словом, пришлось опять «плыть по течению фактов и чужих высказываний», т. е. применять метод моделирования, метафорический эзоповский язык и т. д. Так о сущности реального коммунизма в диссертации говорилось, что «дух» отличается «способностью воплощения в действительность и преобразования последней по своему подобию» и что «свобода духа состоит не в покоящемся бытии, а в постоянном отрицании того, что грозит уничтожить его свободу»; что это «царство духа» создается человеком как «чуждая и враждебная ему сверхвласть», при которой «индивид освобождается лишь от себя и раслет как всеобщность для-себя, очищающаяся от единичности». И конкретнее: «Данный способ бытия характеризуется двумя основными признаками: во-первых, отъединенностью и отчужденностью от себе подобных или тем, что Гегель называл «борьбой всех против друг друга», во-вторых, господством некоего «безличного субъекта», гегелевской «мнимой всеобщности»,

персонализированной Достоевским в образе Великого инквизитора. Вслед за ними Хайдеггер еще более акцентирует внимание на том, что разрыв межчеловеческих связей и общественная атомизация не несут с собой личной свободы, а напротив приводят лишь к новой зависимости. Их неизбежным результатом оказывается обособление социальных связей в особую структуру, которая не является «не этим и не тем, не некоторыми и не суммой всех» и в качестве некой неуловимой и безликой силы осуществляет свое анонимное господство над атомизированными индивидами... Индивиды ... должны пожертвовать своей самобытностью и выступать по отношению к «безличному» в модусе «усредненности», т. е. в функциональной фикции равенства и взаимозаменяемости. «Безличное» в качестве реальной силы науки и техники есть граница их свободы и постоянная угроза любому проявлению творчества. При этом оно спекулирует главным образом на страхе перед смертью; последний играет роль цепи, которой оно приковывает индивида к своей колеснице. Психологическим следствием подобного положения, по мнению Хайдеггера, является постоянное ощущение озабоченности и тревоги, непокидающее чувство опасности, неуютности и «бездомности» бытия... Государственно-монополистическая организация капитала ... не меняет его сущности. Численное сокращение господствующего класса, диктуемое законами конкуренции и концентрации власти, лишь углубляет противоречие между «кликлой дельцов» и трудящимися массами, приводит к созданию новых форм угнетения и порабощения. Ницшеанская концепция двух типов морали – «морали господ» и «морали рабов» - не только отразила указанное противоречие, но и невольно обнажила действительные намерения «властвующей элиты», которые скрывались под густым туманом либерально-нравственных деклараций и преследовали цель насаждения на противоположном полюсе «морали рабов». Наряду с методами прямого подавления широко применяются изощренные приемы духовно-психологической манипуляции сознанием и способы воздействия, направляющие социальную репрессию не столько против поступков, сколько против намерений, желаний, психологических установок. Используя потребительские, военные, религиозные организации, политико-правовые и административные институты, систему воспитания и образования, средства массовой информации, капитал осуществляет постоянную «промывку мозгов», непрерывное идейно-психологическое воздействие с целью навязывания тех или иных шкал оценок, поведенческих стереотипов, желательных реакций на политические события и т. д. При этом главное внимание обращается не на методы убеждения, а на средства внушения, в которых преобладает тенденция к иррационализму, игра на предрассудках и низменных инстинктах, едва прикрытая фиговым листком логики. Сознание, критическая способность суждения подвергаются массивной обработке. Их место должна

занять слепая вера в известные фетиши... Их (фетишей – В. Т.) постоянное воспроизведение создает вполне определенное «виденье» действительности, так что противоречащие им факты утрачивают свое значение, и человек начинает подчиняться не логике фактов, а установкам идеологических фетишей» [10]. А переживаемый «социальный кризис» был определен как «переходное и подлежащее преодолению состояние общества, сопровождающееся глубоким потрясением всех его сфер, начиная от экономики и кончая общественной психологией, идеологией и всей духовной культурой» [11]. И акцент был сделан на исследовании кризисного типа личности и сознания.

Кому-то моя диссертация показалась подозрительной, и ВАК отправила её на дополнительную рецензию в АОН при ЦК КПСС. Через 2 года пришел оттуда отрицательный отзыв, который, тем не менее, по своему подтвердил и поставленный диагноз, и вышеприведенные слова о сущности коммунизма. У его автора сработал открытый Фрейдом механизм вытеснения и проекции.

*Увидят в них безумия причуды  
и знаки скрытой сущности моей,  
ярлык на лбу... Я излеку оттуда  
всё, без чего жить лучше, веселей...  
Так ухожу от тяжести и мрака.*

*Прием запретный? Но на то и  
драка...*

*Мой зорек глаз искать в чужом  
глазу  
занозу малую, а нет – бревно  
оарю.*

*Пушкина в свидетели беру,  
против чуждых я войну веду.*

Вера в религиозные фетиши [12] старалась вытеснить из сознания всё, что им противоречило. Программа КПСС, верившая в то, что Маркс был во всём прав, допускала кризисы как «причуду» капитализма, но не коммунизма, ибо в коммунистическом обществе без них «жить лучше, веселей». Автор отзыва не увидел новизны диссертации, потому что разделял фетишизм партийной программы, исключавший саму возможность кризиса коммунизма, так как её признание было несовместимо с верой, что сказка о молочных реках с кисельными берегами становится былью. Иллюзия здесь играла роль наркотика, и человек уподоблялся страусу, прячущему голову в песок иллюзий. Отсюда и утверждения, что Гегель, Достоевский и Т. Манн к теме не относятся, что тема осталась нераскрытой и т. д.

Академия общественных наук при ЦК КПСС не хотела знать общество, в котором жила, не снабжала таким знанием руководство страны («Мы не знаем общества, в котором живем»). Она докладывала «прекрасной маркизе», что «всё хорошо, всё хорошо», даже когда кризис коммунизма поставил под вопрос существование её самой. Она и тогда

уподоблялась переводчику, который переводил слово *krisis*, не зная греческого языка, т. е. как *уклонение от нормы, которое не есть уклонение* [13]. Да, писал мой оппонент в книге «Кризис коммунизма», появившейся в 1990 г., не стало ничего святого, все разбродило и тянут врозь, и расшатываются основы, которыми всё создано... И добавлял свое «Но»: расшатывание не смертельно, тенденция к «временным трудностям» - закономерное явление нормальной жизнедеятельности социального организма, кризис не может длиться вечно, болезнь излечима, коммунизм выживет, ибо отказ от него равносителен катастрофе и гибели; страна сделала свой выбор в 1917 году, и любая попытка сбить её с этого пути обречена на провал... Дом рухнет, крыша поехала, стены потрескались и вот-вот рухнет («И Кремля трещит уже престол, трещит наша советская держава» Н. Ляпин), а оппонент пишет, что ничего не происходит, что дом вечен и что народ по-прежнему «любит и уважает» КГБ! [14]. АОН при ЦК КПСС по инерции продолжала подчиняться «установкам идеологических фетишей» и в 1990-м году.

«Борьба с неосократизмом (читай «с коммунизмом» - В. Т.) в русской литературе XIX века», в которой я пытался представить наследуемую отечественную традицию критического реализма и основное содержание которой вошло в главы 1, 4, 6 и 9 «Коммунизма», была осуждена лишь при обсуждении моей докторской на философском факультете ЛГУ в 1989 г. Критиковали за игнорирование марксистско-ленинской методологии и «её (русской литературы XIX в. - В. Т.) оценки в литературе ленинского этапа истории марксистской философии», за «историко-философский платонизм», критику гегелевского и косвенно марксистского спиритуализма, одним словом - за «критику Маркса». Мне трудно было что-либо возразить: и в книге, и в диссертации действительно не было ни применения метода «Капитала» и «ленинских принципов историзма», ни «воспроизведения всех ленинских оценок русских мыслителей». Были, однако, и другие оценки. Так профессор МГУ и член редакции «Философских наук» И. С. Нарский 7. 03. 1989 г. написал мне: «Книга интересна и читается «залпом». Правда, я думаю, что Пушкин и другие авторы, Вами так умело разобранные, удивились бы, узнав, что они боролись против «неосократизма»; удивился бы и Гегель, узнав, что его слова о величественном восходе солнца в 1789 году - это слова о становлении капиталистического общества... Но это - детали. А главное - иное. В целом книга Ваша весьма и весьма своеобразна!.. Я считаю, что она не должна пройти незамеченной в нашем потоке литературы... Это - заметное явление».

Не избежало подобных оценок и полное издание «Коммунизма». Первый подписанный отзыв московского Коллеги поступил в декабре 2005 г. «Книгу Вашу, - говорилось в письме, - просмотрел пока бегло и не всю. Содержание довольно основательное, много подкрепляющих цитат и

ссылку. Но ... она содержит потенциал для совершенствования. В частности, я бы изменил её название на более актуальное (и вечно актуальное) – «Коммунизм как псевдоидеал общества» (или: «ослепляющий фантом», «усыпляющая иллюзия», «беспочвенная фантазия»). И сделал бы акцент не на фактологии советского коммунизма, а на коммунистическом (марксистско-ленинском) менталитете, который определяет поведение бывших «совков» и сегодня. Не верен главный вывод книги, что крушение коммунизма в СССР есть утверждение правоты христианства (якобы бог сокрушил коммунизм). Выходит, что одну фантазию (коммунистическую) Вы заменяете другой (христианской), т. е. остаетесь в плену фантастики.» Здесь правильно указана традиция, продолженная в обсуждаемой книге и представленная Радишевым, Чаадаевым, Герценом, Достоевским, В. Соловьевым, Л. Толстым, Б. Пастернаком и др., но её оценка как «фантастики» объединяет автора письма с оппонентом из АОН. Коллега тоже предлагает написать *другую* книгу, такую, в которой коммунизм понимался бы как некая психопатология и причуды безумия («псевдоидеал», «беспочвенная фантазия» и т. д.) и рисовался бы лишь в черном цвете как «отклонение метода от объективной природы исследуемого предмета». Но такие книги о коммунизме уже есть, например, *ненаучное* [15] сочинение А. Зиновьева «Коммунизм как реальность», в котором последний назван «раковой опухолью на теле цивилизации» и представлен на обложке в образе крыс, приветствующих и душащих друг друга человекообразными руками [16]. Что же касается поставленного Коллегой вопроса о судьбах коммунистического «менталитета» в революции 80–90-х годов и в нынешней России, то о нем я написал в «Путешествии из СССР в новую Россию», в котором попытался показать, что тезис об определяющем характере этого «менталитета» в сегодняшней России не соответствует действительности. Это подтверждают как социологические опросы, так и результаты выборов по партийным спискам.

В книге В. Кожинова «Правда сталинских репрессий» (М., 2006 г.) мой «Коммунизм» разделил участь гегелевской «Феноменологии духа», статьи Маркса «К вопросу о евреях», «Бесов» Достоевского, горьковского «Клима Самгина», сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)», зиновьевского «Коммунизма как реальность», стихов Галича, Высоцкого, Ляпина и других подобных фактов, т. е. был *вытеснен* вместе с ними из авторского сознания, а «красное колесо» революции было представлено (в след за «Протоколами сионистов», солженицынским «Красным колесом» и «Протоколами Сталинова») не коммунистическим, а *еврейским* («еврейская революция»). Причем Сталин был не только выведен за его границы, но и представлен *контрреволюционером*, т. е. борцом против «еврейской революции». Всё это, конечно, не убеждает. Кожинов повторил большую часть ошибок моих предшественников, но в его кривом зеркале

отразилась правда сталинских репрессий, состоявшая в описанных мною в «Коммунизме» мутации коммунизма в национал-коммунизм и антикоммунизме Джугашвили.

Во вступительной статье Ю. Перова к гегелевским лекциям по эстетике отрицалось участие Гегеля в разработке коммунистического проекта и метода «соцреализма», а факты, приведенные мною в доказательство участия, проигнорированы [17].

К.А. Сергеев правильно утверждал в «Ренессансных основаниях антропоцентризма» (СПб., 2007), что в разработке коммунистического проекта участвовали не только Кант, Фихте и Гегель, но и Мор, Кампанелла, Макиавелли, Гоббс и другие. Труднее согласиться с его вычеркиванием из этого списка Сократа, Платона, Аристотеля («космоцентризм») и некоторых их средневековых продолжателей-«теоцентристов». Трудно согласиться и с его трактовкой коммунистического проекта как «антропоцентризма», в котором «человек наделяется центральным положением» и возводится-де в «ранг божественного». Маркс использовал слово «человек» вслед за Фейербахом как один из псевдонимов гегелевского «духа», которого Ницше правильно называл «не-человеком» и «сверхчеловеком». «Истинной религией каждого настоящего философа» Маркс и Энгельс считали не антропотейзм, а «веру во всемогущество Духа». А «антропоцентризм» («человек человеку – бог», «человек человеку – друг, товарищ и брат») был не сущностью, а скорее маской и демагогическим агитационным средством коммунизма, превращавшим людей в мишени. Уже Достоевский предупреждал, что коммунистический эксперимент обойдется человечеству в «100 миллионов голов». Некоторые считают, что эту цифру превысил один СССР. Только развязанная коммунизмом Вторая мировая война уничтожила 60 000 000.

Г. В. Осипов в «Летописи реформирования России» (М., 2007), игнорируя приведенные мною аргументы, утверждает, что кризис коммунизма начался лишь с прихода к власти Хрущева, т. е. в 1950-е годы. В. В. Суходеев в «Энциклопедии» (М., 2007) отрицает участие Сталина в развязывании Второй мировой войны и пишет, что эпоха Сталина – «время уважительного отношения к людям труда, таланту каждого человека, независимо от его социального положения и национальной принадлежности, а также от его вероисповедания».

Книга Ю. Гиренко «До и после Путина» (2008) неплохо подтвердила сказанное о коммунистической историографии и об искажении исторической памяти в 7-й и других главах «Коммунизма». Выпускник исторического факультета Ростовского госуниверситета 1986 г. утверждает в ней, что нашим политикам знание отечественной истории не только не нужно, но и вредно; что искушение властью («сакральное отношение к государству», «власть силы», «избыточная централизация,

профанирование выборов и парламентских процедур», «совершение малолетних» и т. п.) это не только особенность «самого совершенного тоталитаризма», но и сущность посткоммунистической России. С одной стороны он пишет, что в 1980-е – 90-е годы у нас произошла революция, а с другой – что ничего в сущности не изменилось и перемены убеждений, о которой говорится в 11-й главе «Коммунизма», не произошло. Отсюда и намеки на то, что Пушкин и Достоевский предсказали в «Бесах» посткоммунистическую Россию, и предложение «выбросить русскую интеллигенцию на свалку истории» и предпочесть «политику национального эгоизма»... Г. Зюганов с ним не согласился и в книге «Сталин и современность» (2008) назвал Иисуса Христа, подвергавшегося искушению властью, «первым коммунистом» и датировал конец эпохи Октября началом 1990-х. И действительно: восстановленного в эти годы бывшими коммунистами Храма Христа Спасителя Гиренко в новой России не увидел.

В «Российском политическом процессе» (М., 2008) М.И. Кодина говорится, что осуществлению «великих и высоких принципов социализма» помешало противодействие «мирового империализма» и что «националистические тенденции» стали у нас проявляться лишь в 1980-е годы. В. Сапрыкин не считает соавтором коммунизма не только Сократа и Гегеля, но и Маркса. «Социалистическая цивилизация», по его мнению, была создана не ими, а «советским народом» [18].

Другие критические отзывы на «Коммунизм» не только не однозначны, но и порой прямо противоположны: одни обвиняют автора в примитивном антикоммунизме («тотальное отрицание марксизма»), в том, что я злоупотребил черной краской и нарисовал-де коммунизм монстром, т. е. приписывают мне то, за отсутствие чего порицал меня Коллега; другие, напротив, критикуют за коммунизм, т. е. за «промарксистскую» апологию «воли к власти» («обоснование, оправдание и восхваление политики КПСС»). Этих мнений учеников АОН не подтверждают ни название книги, ни её главные положения, вынесенные на обложку в форме образов-символов, ни эпиграфы, ни её содержание. Похоже, что они тоже читали книгу «бегло и не всю» и по-своему подтвердили мнение Коллеги о пережитках «коммунистического менталитета». Если считать идеологией то, что считали Маркс и Энгельс, а именно «превратное понимание истории», то нельзя не отнести подобные оценки к идеологическим, т. е. к нарушающим основные законы логики и не считающимся с историческими фактами.

Радует то, что конструктивных отзывов получено мною гораздо больше. Некоторые даже считают, что эпиграфом к книге могут быть и слова Евгения Евтушенко: «Быть злым к неправде – это доброта». Лев Аннинский в книге «Меч мудрости, или русские плюс...» (2009) согласился с пониманием коммунизма как «религии с отрицательным

богом», с провиденциализмом («Бог сокрушил коммунизм», «Не подменяйте Руки Вседержителя руками его детей, которые хотели сломить душу и древнюю веру народа. Большевикизм – это апелляция к дохристианским диким инстинктам борьбы, отрицание христианского всепрощения» и т. д.) и с трактовкой коллективизации как обеспечения продовольствием армии и ВПК; почти согласился с мосей (и А. Солнцева) критической оценкой Шолохова и с критикой Солженицына-историка... Эти факты говорят о том, что история не имеет заднего хода и что переживаемый нами мировоззренческий кризис преодолевается примерно в том же направлении, как это было у Герцена, Чернышевского, В. Соловьева и Л. Толстого.

### Литература и примечания

1. Первые наброски «Коммунизма» датированы в нем 1961 годом. И я не делал из этого секрета, давал читать «Дневник» друзьям и товарищам.
2. Цит. по рукописи.
3. Сравни: «Порочные люди – те, кто льстили, лгали и оскорбляли других – продвигались по службе; унижение стало образом жизни... Приходилось или унижаться самим, или унижать других. Вынужденные утратить достоинство, честь, стыд и любовь друг к другу ради спасения своих жизней и служебного положения, люди были доведены до грани безумия. Они перестали выражать своё собственное мнение и лишь пересказывали статьи лидеров партии» (Девять комментариев о коммунистической партии. Сборник статей международного издательского проекта «Великая эпоха». М., 2005. С. 35.)
4. Сравни: «Руководящие органы коммунистической партии непосредственно никогда не участвуют в производственной или творческой деятельности. Как только они захватывают власть, они внедряются в массы, управляя и манипулируя ими. Из страха потерять контроль они распространяют свою власть вплоть до самых базовых единиц общества. Они монополизируют средства производства и изымают богатства общества» (там же, с. 12).
5. Цит. по рукописи.
6. Цит. по рукописи.
7. Подробнее об этом см. главы 1 и 2 «Коммунизма».
8. Подробнее об этой преемственности см.: Ойзерман Т.И. Философия как история философии. СПб., 1999. С. 313, 331, 332, 369 и др.
9. Энгельс был бы более прав, если бы написал, что марксизм ведет свою родословную «не столько от Бэкона, Гольбаха, Сен-Симона, Фурье и Оуэна, сколько от Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля». В опубликованном варианте моей дипломной (см.: Проблемы общественных наук в работах молодых ученых. Томск, 1976 г.) этот тезис был подкреплен ссылками на книги таких «фальсификаторов

- истории марксизма» как К. Лёвит, Я. Гоммес, Ж. Ипполит и И. Баррион. Но наши историки коммунизма тогда невнимательно читали даже Плеханова, не говоря уже о «Философских тетрадах» Ленина и книгах Троцкого; и поправляли Энгельса в противоположном смысле, а именно, что коммунизм ведет свою родословную «только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна». А. Ципко и в защищенной при поддержке АОН при ЦК КПСС в 1986 г. в Институте философии докторской диссертации утверждал вопреки вышеназванным «фальсификаторам», что Маркс не был учеником Гегеля и не одевал «духа» в «серый плащ материализма». Об этом же он написал в книгах «Идея социализма» (1976) и «Некоторые философские аспекты теории социализма» (1983).
10. Томилов В. Г. Экзистенциализм как выражение архаико-утопического сознания. Кандидатская диссертация. Томск, 1974. С. 13-15, 54, 61, 70-71, 74-75 и др.
11. Там же, с. 10, 25-49, 102 и др. Ср. с оценкой состояния тогдашней коммунистической экономики членом Политбюро 2-й половины 1980-х годов В. Медведевым: «8-я пятилетка (1966-1971 годы) была, пожалуй, последним успешным периодом социально-экономического развития страны... В дальнейшем экономическое развитие стало быстро и неуклонно ухудшаться. 2 последующих 5-летних плана ... оказались сорванными. До поры до времени экономическая конъюнктура поддерживалась высокими мировыми ценами на топливно-энергетические и сырьевые ресурсы. Лишь один сектор экономики постоянно пребывал в цветущем состоянии – это военно-промышленный комплекс. Страна изнывала под гнетом непосильного бремени военных расходов» (Медведев В.А. В команде Горбачева. Взгляд изнутри. М., 1994. С. 6-7). Е. Гайдар, приведя эту оценку в книге «Гибель империи», добавил: «Эффективность коммунистической идеологии к этому времени была подорвана. Руководство страны воспринимало привычные идеологические формулы и лозунги как унаследованный ритуал, либо использовало как базу для бытовых анекдотов» (Гайдар Е. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006. С. 145).
12. См., напр.: Розенталь М.М. Диалектика «Капитала» К. Маркса. М., 1967; Зиновьев А. Зияющие высоты. L'Age d'Homme, 1976.
13. «Социальный кризис является таким отклонением от норм, которое само является нормой жизни общества в том смысле, что является результатом действия внутренних закономерностей социального организма в условиях нормальной и даже успешной жизнедеятельности этого организма.» (Зиновьев А. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М., 1994. С. 383).
14. «Коммунистическое общество стабильно до такой степени, что внутри его просто не вызревают достаточно серьезные силы, способные

- разрушить его изнутри. И бессмысленно надеяться на какие-то радикальные перемены этого общества в сторону западных демократий, обусловленные внутренними потребностями коммунистических стран». (Там же, с. 276, 368).
15. Зиновьев А. Русская трагедия. М., 2005. С. 46-47.
16. В другом месте он так описал этот образ-символ коммунизма: «В сложной системе управления колонией регулярно производится смена крыс, реализующих управление... Это осуществляется в такой последовательности: 1) стадия продвижения отмеченных крыс в круг особей, являющихся кандидатами в лидеры; 2) стадия вживания (её результат – снюхивание с определенным кругом крыс); 3) выталкивание в лидеры (захват поста); 4) замена чужих своими, обычно при этом происходит массовое уничтожение чужих; 5) массовый террор, имеющий целью устрашать всех и сделать покорными,.. уничтожения шли волнами ... уничтожающие сами становились уничтоженными; 6) некоторые преобразования крысария, имеющие целью завоевание популярности и оправдание сделанного ранее...» (Зиновьев А. Зияющие высоты. С. 136, 137, 178, 179 и др.). Не хотел уступать Зиновьеву по части черной краски в этом вопросе и Солженицын: «злокачественная марксо-ленинская утопия», «людожорская полоса», «разрушение наших душ», «духовная катастрофа 17-го года», «цепь преступлений, жестокостей и бессмыслия», «сокрушен самый хребет народа» (Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию. Посильные соображения. М., 1990. С. 3, 7, 13, 21, 23, 25 и др.). Примерно таким же «исчадием ада» и «замещением жизни нежизнью» или «жизнью во лжи» представлена эпоха Октября и в брошюре С. Сулакшина «КПСС: внезаконность, преступность, ответственность» (1990), и в книге А. Ципко «Насилие лжи или как заблудился призрак» (1990).
17. См.: Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике. СПб., 2007. С. 6. и др.
18. «Коммунист», 2009, № 4, с. 6.

**Третьякова Т.Е.**

## **ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ХРОНОТОПА**

Исследовательский интерес к проблематике социального хронотопа в общественном сознании значительно возрос в последнее время. Об этом свидетельствует не только возрождение журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп», но и многочисленные публикации отечественных и зарубежных авторов. В работе «Устройство общества» Э. Гидденс утверждает, что «...учёные-обществоведы потерпели неудачу в попытках представить и проанализировать формы организации социальных систем во времени и пространстве» [1, с. 174]. Мы далеки от столь категоричной